

Кукольный дом

Л. Петрушевская

Кукла Барби теперь постоянно сидела на подоконнике в деревянном ящичке, очень довольная. В окно ей была видна жизнь города, мимо бегали прохожие, собаки и кошки, пролетали птицы, проходили облака. Начиналась весна, и старый столяр (его звали дед Иван) даже иногда приоткрывал окошко, особенно когда варил клей. Дед Иван делал по две шкатулки в неделю и продавал их на субботнем базаре, на это он и питался.

Кукла жила собственной жизнью, и дед Иван, как все рассеянные старики, ничего не замечал. Он видел, например, что каждый вечер под окном на батарее сушатся вчерашние одежды Маши, но считал, что так и полагается переодеваться ежедневно во все чистое, таков кукольный закон.

Он и сам был аккуратный дед.

Правда, хозяйство у дедушки Ивана было бедное, холостяцкое: две тарелки, одна кастрюля, чайник, кружка, ложка и вилка, перочинный нож, кровать, стол и два стула, комната в два окна и кухня со всеми удобствами.

Дед Иван жил так уже давно и, все больше теряя зрение, не видел, что его квартира становится местом военных действий — армия пауков против многочисленных армий мух; происходили ежедневные бои на каждом окне и в каждом углу, была разветвленная сеть шпионажа и налеты тяжелой авиации на эту сеть, а что касается трупов убитых, то ими были усеяны все подоконники.

Но, когда старику сделали операцию на глазах и он стал хорошо видеть, началось самое печальное: дед Иван, который с детства терпеть не мог пауков, вдруг обнаружил в своей квартире логово врага и расстроился.

Надо сказать, что и мух он не обожал и не выносил, когда в доме было грязно.

А тут, придя из больницы домой, он просто сел и заплакал.

У него не было возможности сделать ремонт, а как бороться с пауками и мухами, он не знал.

Наверное, нужно было пригласить бригаду маляров, а потом позвать тетку, чтобы вымыть окна и полы.

Но денег-то не было!

Дед затосковал и сказал своей куколке Маше:

— И зачем мне глаза, если я не хочу видеть это безобразие?

Надо сказать, что кукла Барби прежде всего была довольна тем, что дедушка Иван теперь хорошо видит, и на мух и пауков не обращала внимания.

Она ведь много лет жила, как в тюрьме, на дне ящика в темном чулане и могла только мечтать выбраться на свежий воздух, а когда выбралась, то оказалось, что это свежий воздух в помойном контейнере...

И для Барби после помойки жизнь на светлом подоконнике в доме деда была счастьем, пусть даже в компании сухих мух.

А когда дедушка Иван стал жаловаться, что не может жить в такой грязи и лучше быть слепым, чем видеть все это, умная Барби решила начать действовать.

Ночью она подула на своего спящего деда, и ему приснился сон, что он делает своей Барби прекрасный дом с лампами, коврами и шкафами, с красной крышей и занавесками на окнах.

Дед встал утром озабоченный и, надев свою ветхую одежонку, ушел бродить, как всегда, по помойкам.

Он почему-то понял свой сон так, что этот дом надо сделать для продажи.

К вечеру дед натащил домой ящиков, тряпочек, поролона, даже раздобыл две банки белой краски — краска, правда, высохла, но дед знал, как ее развести.

Люди выбрасывают то, что может еще послужить, потому что у них нет времени на починку и восстановление испорченных вещей, но знали бы они, что через тысячу лет какие-нибудь будущие ученые раскопают городскую свалку и будут стараться склеить их битую посуду, починить их рваные носки и пиджаки и собрать порванные в клочки письма...

Итак, к вечеру дед Иван (стараясь не смотреть на углы, затянутые паутиной) смастерил дом сначала в виде огромного ящика с дырками для окон и дверей, а на следующий день он его покрасил, приладил эти окна и двери (они открывались и

закрывались), сделал ванную комнату и т. д., а еще через сутки была готова уже и мебель — первый резной столик и пара стульев с такими же спинками.

Кукла Маша Барби с интересом наблюдала за этой работой и тоже незаметно помогала деду, например, сшила из старинных кружев несколько абажуров, а из старого батистового фартука прекрасные занавески и покрывало на широкую деревянную кровать, и дед с большим удивлением обнаружил в куче лоскутков, якобы найденных позавчера на помойке, маленькие кукольные подушки из разноцветного бархата — и квадратные, и круглые, и в виде валиков.

Короче, к субботе дом был готов к продаже, но дед посмотрел-посмотрел на него, полюбовался и торжественно посадил в этот дом на диванчик свою куклу Машу — и никуда в результате не пошел, ни на какой рынок.

Кукла Маша Барби с большой радостью посидела за столиком, повалялась на широкой кровати, включила телевизор (дед сделал его очень умело из пластиковой коробочки, и Барби сразу стала смотреть мультфильм Диснея «Фантазия»).

Но к вечеру в доме деда по-прежнему не было ни крошки еды.

Дед заснул у себя на кровати (бедному сон заменяет ужин, это широко известно всем голодным), но Барби не спала.

Недаром она сквозь все беды и невзгоды пронесла свой игрушечный телефон.

По нему-то она и позвонила одной своей родственнице, Барби, которая жила в доме у редакторши телевидения.

Что она ей говорила, неизвестно, но на следующее утро, когда настало воскресенье, в дверь деда Ивана громко позвонили, и к нему в квартиру ворвалась шикарная дама — как раз та самая сотрудница телевидения (мало того, что ей приснился кукольный дом, ей приснился и адрес, видимо).

Она с порога громко закричала — как будто дед Иван был глухим, как пень:

— Алло, я ищу таланты!

— Да, — ответил дед Иван, аккуратно одетый, причесанный и умытый и даже уже позавтракавший кружкой горячей воды.

Дама так же громко объявила, что дед будет участвовать в конкурсе, где объявлен большой приз.

Затем она отстранила деда Ивана с порога и устремилась к окну, где среди паутины на широком подоконнике стоял и сверкал дом куклы Маши.

Дама ахнула и, как маленькая девочка, опустилась на колени перед подоконником, стала трогать и передвигать мебель, разглядывать занавески, подушечки и картины в красивых рамах.

Барби она не заметила — мало ли Барби на свете!

У дочери редакторши была целая рота Барби, тридцать четыре души. Но вот такого домика дама не видела никогда в жизни. Как прекрасно были сделаны шкафчики со стеклянными дверцами, резные стулья и диваны с бархатной обивкой!

Как хотелось жить в таком доме!

Дама грубо вытащила Барби Машу за голову и положила ее на голый подоконник вверх ногами, чтобы рассмотреть кукольную кровать с деревянным изголовьем.

Разумеется, дед Иван тут же обиделся, взял свою Машу на руки и хотел выгнать нахальную редакторшу, но она внезапно рявкнула:

— Все! Я это беру! Это мне нравится!

— А мне не нравится, — тихо ответил дед.

— Так! — продолжала орать редакторша. — Только у вас жилье никуда не годится! Я вам сегодня пришлю своих ребят, они тут сделают декорацию, приколотят новые временные стенки, вставят другое окно, там будет искусственный фонарь. Так... На пол постелим вам кусок нового паркета. А то тут как в свинюшнике.

С этими словами дама выскочила вон, а расстроенный дед начал приводить в порядок домик, в котором как будто ночевала рота солдат стулья были повалены, картины и часы висели криво, телевизор лежал вниз экраном, а кровать была перевернута вверх дном.

Приведя все в порядок, старик ушел бродить по помойкам и к вечеру притащил, очень довольный, целый ворох сухих старых дощечек.

Он ничего не ел уже два дня, но ему было не привыкать к такой диете, он чувствовал себя неплохо, прихлебывал горячую воду из чашки и возился со своими деревяшками.

На следующий день утром в квартиру ворвалась бригада декораторов с телевидения, вооруженная щитами, кистями и банками с краской.

Но — неожиданно для себя — вместо того, чтобы строить декорацию, они стали быстро красить потолки и стены, рамы и двери.

После чего к вечеру бравые ребята вымыли окна, оттерли паркет каким-то химическим составом, похлопали очумевшего деда по плечу и удалились, горланя насчет скорейшей выпивки.

А дед переживал это местное землетрясение, сидя со своим домиком, обернутым в газеты, на лестнице среди убогих пожитков.

Барби, находившаяся внутри своего домика, в оболочке из газет, была очень довольна, что ребята ее послушались и все как один решили, что им все равно — то ли устанавливать декорации (которые потом надо еще и снимать), то ли делать ремонт.

Одного Барби не учла — что дед ходит голодный.

Увлечшись устройством жилья для Маши, он перестал делать шкатулки, и деньги у него кончились.

Но, поскольку сам дед давно привык к голоду, он запрещал себе даже думать о пище, и Барби Маша, умевшая читать мысли и мечты, тут ни о чем не догадалась.

Однако, как бы то ни было, на завтра наступил торжественный день съемок.

Приехало множество народу, на полу лежали провода, всюду слонялись какие-то бездельники с молотками, наушниками и кабелями, редакторша орала, потрясая бумажками с текстом, про домик все как будто забыли взоры присутствующих и глазок видеокамеры были прикованы к пустому подоконнику.

Наконец была дана команда снимать.

Оператор нацелил объектив прямо в рот редакторше, которая произнесла длинную речь, сидя в красивом кресле, привезенном со студии.

Два часа снимали редакторшу на фоне окна, за которым сияло фальшивое солнце (умельцы прикрепили снаружи фонарь, потому что на экране телевизора все всегда должно выглядеть так, как в раю при вечном свете дня), потом все переругались, оператор то и дело прекращал съемки, редакторша два раза рыдала и один раз сменила платье, гример пятнадцать раз пудрила ее и один раз — попутно — дедушку Ивана, который сидел в углу, бледный и голодный, всеми забытый.

И только когда все было закончено с редакторшей, наконец вывели из угла и пять минут снимали столяра, потом включили освещение в домике на всех этажах и на чердаке и три минуты снимали домик.

Дом сиял огоньками, откуда-то заиграла чудесная музыка, как будто завели музыкальную табакерку, кукла Барби Маша сидела за столом в кресле в теплом стеганом халатике и домашних тапочках и читала очень маленькую книжку у совсем маленького подсвечника с крошечной горящей свечой.

Вся буйная команда телевизионщиков притихла, оператор вдруг припал на колени и пополз вдоль домика.

Когда съемки закончились, редакторша зевнула и сказала деду Ивану, что неизвестно, кому дадут приз; у них в программе много сюжетов об умельцах.

— Один человек даже построил своими руками летающий самолет, а другой макаронную фабрику на кухне, сообщила она, собирая свои бумажки, и все решат зрители, они будут звонить в студию во время передачи.

И вся команда умчалась, как уходит ураган или волна цунами.

В только что отремонтированной квартире был полнейший разгром.

Усталый и голодный дед Иван плюнул и удалился вон, прихватив свою бывшую слепецкую палочку и черные очки.

Он давно наметил себе место в одном подземном переходе, еще до операции, на черный день, он тогда решил, что встанет там и будет стоять с протянутой рукой, ежели совсем дойдет до крайности.

И доведенный до крайности, голодный и слабый дед пошел просить милостыню, стесняясь сам себя, но до подземного перехода не добрался, упал в обморок от голода.

Столпились люди, кто-то сказал: «Вот так и помирают», кто-то вызвал «скорую», и через час деда подняли и отвезли в больницу, в приемный покой.

Врач запросто привел его в сознание, давши понюхать нашатырный спирт, ядовитую ватку, от которой перехватывает дыхание.

Но никто не догадался его покормить, а сам дед ничего не сказал.

Его оставили еще немного полежать — для контроля, а сами сели пить чай в соседней комнате.

Дед валялся на больничной кушетке, в животе его бурчало и завывало от голода, а рядом звенели ложками, посудой, что-то резали, ели (а что, врачи тоже люди).

Одновременно работал телевизор.

По телевизору вещал какой-то резкий, очень знакомый женский голос.

И вдруг врачи задвигали стульями, заговорили и вышли в коридор, где начали названивать по телефону.

— Алё! Это телевидение? — закричал кто-то. — Плохо слышно! Мы, врачи «скорой помощи», решили присудить приз кукольному дому! Нас тут шестеро, и все «за». И вам спасибо.

Дед Иван вскоре был поднят медсестрой, которая проверила его пульс, давление и сказала:

— Дедушка, не болей. Питаться надо лучше, и все. Иди с Богом.

И дед Иван побрел домой.

У его дома опять дежурил телевизионный автобус.

Собралось даже несколько зевак.

Дед вошел в свою разоренную квартиру, ожидая увидеть полный тарарам.

Но он застал там порядок, стол даже был накрыт скатертью, пол оказался чистый, а домик горел всеми своими огнями.

В комнате сидела вся телевизионная команда, и редакторша барабанила пальцами по столу.

С криком «Вот он!» редакторша схватила деда Ивана, усадила его в телевизионное кресло, и начались съемки.

— Вы довольны, что получили такой большой приз? — спросила редакторша крикливо.

— Какой приз? — удивился дед Иван.

— Вы получили главный приз нашего конкурса — королевский торт! — заорала редакторша, глядя мимо дедушки прямо в объектив видеокамеры.

— Ну спасибо, — сказал дед.

Тут же (видимо, из кухни) внесли торт размером с круглый обеденный стол.

Оператор стал передвигаться вдоль торта, как вдоль забора, снимая сверкающую корону, башни из крема, розы из взбитых сливок, шоколадные домики и груды засахаренных орешков у основания.

Редакторша занесла над этим сладким городком огромный нож, у деда Ивана завывло в животе и потемнело в глазах, но он сдержался и пошел ставить чайник на всех.

Когда он возвратился, телевизионщики уже доедали, видимо, по третьей порции, судя по разоренному тарту, вокруг стола царило безумное веселье (видимо, работники эфира тоже изголодались).

Но дед Иван, прежде чем приступить к еде, отрезал небольшой кусок торта у самой короны и отнес его в кукольный домик, где поставил на стол перед своей Машей.

И она благодарно кивнула ему в ответ, чего никто в мире не заметил.